

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.172+327.7

ТРАКТОВКИ «СПРАВЕДЛИВОСТИ» И «НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ» И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru,

В статье рассмотрены основные трактовки понятий «справедливость» и «несправедливость» в современной политической науке и дана критическая оценка попыткам найти универсальную формулу реализации социальной справедливости. Акцент сделан на апелляции к ценностям социальной справедливости в сфере международных отношений в контексте их использования в рамках реализации стратегии «мягкой силы» и подготовки «цветных революций».

Ключевые слова: «справедливость» и «несправедливость» в политике, трактовки социальной справедливости, либеральная модель социальной справедливости, технологии «продвижения демократии», «цветные революции», внешняя политика России.

Interpretations of «Justice» and «Injustice» and Their Usage within Contemporary Political Processes

A. A. Vilkov

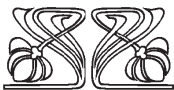
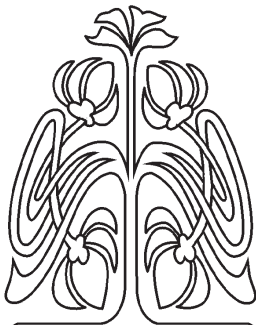
The article considers main interpretations of «justice» and «injustice» within modern political science and makes critical evaluation of attempts to find universal formula of social justice's realization. The author emphasizes an appeal to the values of social justice in the sphere of international relations in the context of their usage within realization of «soft power» strategy and preparation of «colored revolutions».

Key words: «justice» and «injustice» in politics, interpretations of social justice, liberal model of social justice, technologies of «democracy promotion», «colored revolutions», external policy of Russia.

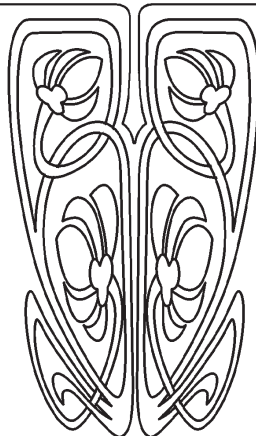
Категории «справедливость» и «несправедливость» являются не просто одними из базовых для понимания ментальных особенностей российской политической культуры, но и определяющими. Ценности «справедливость» и «несправедливость» (как антиценность) были и продолжают оставаться своеобразной призмой, через которую происходит восприятие важнейших институтов общественно-политической и социально-экономической жизни россиян. Не случайно, что отношение к данным ценностям и их понимание занимают важнейшее место в процессах социальной и политической идентификации как отдельных индивидов, так и различных сообществ.

Дискуссии на данные темы продолжают на протяжении всей истории России (так же как и большинства цивилизованных стран), периодически обостряясь в связи с общественной потребностью в осознании очередного выбора вектора политического и социально-экономического развития страны. Более того, нельзя не согласиться с тем, что «в объективном смысле “справедливость” как политическая ценность приобретает сегодня свойство цивилизационного вызова, обращенного ко всем ключевым субъектам современной политики»¹.

После появления в 1971 г. и многочисленных переизданий знаменитой книги Дж. Роулза², не менее известный Ю. Хабермас уже после разрушения СССР и восточно-европейской части социалистической системы, констатировал, по аналогии с Ф. Фукуямой, своего рода «конец истории» и в поисках идеала социальной справедливости: «Поли-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

тический либерализм Джона Роулза фиксирует конец этого развития. Он реагирует на плюрализм мировоззрений и на прогрессирующую индивидуализацию стиля жизни. И, как следствие, он вытаскивает из пропасти философские попытки выделить какой-то определенный образ жизни в качестве образцового или обладающего всеобщей значимостью. «Справедливое общество» предоставляет всем лицам «распоряжаться временем своей жизни» так, как они хотят. Оно гарантирует каждому равную свободу развивать этическое самопонимание для того, чтобы в соответствии с собственными возможностями и благами намерениями осуществить в действительности персональную концепцию «благой жизни»³. Однако не все западноевропейские исследователи поддерживают подобную оптимистическую точку зрения. Например, И. Валлерстайн, признавая значение либеральной доктрины «рационального реформизма», акцент делает на современных факторах напряженности в мировом политическом и социально-экономическом развитии, одним из которых является фактор несправедливости. По его мнению, «распределение неравенства как на глобальном, так и на национально-государственных уровнях зависит от расовой/этнической/религиозной принадлежности. Поэтому комбинированным результатом политической осведомленности и бюджетного кризиса государств станет массовая борьба, которая примет форму гражданской войны, и глобальной, и в отдельных государствах»⁴.

Несмотря на наличие различных исследовательских позиций в западноевропейских странах по поводу сущности социальной справедливости⁵, в практической внутренней и внешней политике США и их союзников она реализуется преимущественно в рамках либеральной парадигмы. Фактически апелляция к либеральным ценностям социальной справедливости лежит в основе американской концепции «мягкой силы» для продвижения либеральной модели демократии во всем мире, в том числе и с помощью применения вооруженных сил. Именно такое понимание «незаменимости» американской нации публично продекларировал президент Б. Обама, выступая перед выпускниками военной академии в разгар украинского кризиса (в значительной степени инициированного американской политикой «продвижения демократии»): «От Европы до Азии мы выступаем центром альянсов, не имеющих себе равных в истории народов. Америка продолжает привлекать целенаправленных иммигрантов. Ценности, заложенные в нашей основе, вдохновляют лидеров в парламентах и новых движениях на площадях по всему миру. И когда на Филиппины обрушился тайфун, или в Нигерии были похищены девочки, или в Украине люди в масках заняли здания – мир обращается за помощью к Америке. (Аплодисменты.) Соединенные Штаты – незаменимая

нация. Так было в прошлом и, вероятно, будет и в будущем»⁶. Из такой незаменимости американский президент вывел однозначный принцип внешней политики США: «Соединенные Штаты будут использовать военную силу в одностороннем порядке в том случае, если этого требуют наши фундаментальные интересы: когда наш народ находится под угрозой, когда наши средства к существованию находятся под угрозой, когда существует угроза безопасности наших союзников. При этих условиях мы все еще должны задавать жесткие вопросы о том, являются ли наши действия пропорциональными, эффективными и справедливыми. Международное мнение имеет значение, но Америка никогда не должна испрашивать разрешения, чтобы защитить наших людей, нашу Родину или наш образ жизни»⁷.

Такая широкая трактовка мессианского предназначения США, способности и необходимости «направлять течение истории в сторону справедливости»⁸ неоднократно показывала свою полную несостоятельность в ходе войны США в Афганистане и в Ираке, в ходе военного вмешательства в события в Ливии и во многих других масштабных и локальных конфликтах. Тем не менее, такая экспансионистская американская внешняя политика «продвижения демократии» по всему миру продолжается. Более того, все отчетливее она приобретает антироссийский характер в рамках возвращения к противостоянию периода «холодной войны», освященного сакральными понятиями борьбы империй «Добра» и «Зла», нравственных максим воплощения «Справедливости» и «Несправедливости».

Данное противостояние осуществляется в условиях, когда многие современные очаги напряженности на постсоветском пространстве и в других регионах мира представляют собой не просто противоречия на религиозной, этнической или цивилизационной почве, но, прежде всего, крайнюю форму реакции на «несправедливость» в отношении какой-либо идентификационной группы. Эта «несправедливость» может носить более или менее объективированный характер и иметь конкретные параметры (в виде дискриминационных решений, правовых ограничений, экономических и социальных показателей, статистики и т. п. данных). Но может быть мотивированной не столько на рациональном уровне, сколько на идеологизированном либо эмоциональном уровне. Чаще всего реальные «ущемления» какой-либо идентификационной группы, воспринимаемые ею как несправедливые, также значительно усиливаются социально-психологическими и ценностными факторами своего группового понимания социальной справедливости и несправедливости.

Например, еще до начала «революции на майдане» украинские политологи недвусмысленно оценивали официальный вектор политического развития страны (это еще в период правления

«пророссийского» президента В. Януковича) как восстановление исторической справедливости: «Формирование в современной Украине своей идентичности – и эта тенденция доминирует на идеологическом уровне – происходит путем противопоставления себя России (конструирование образа России как *другого*. <...> Не случайно одним из господствующих идеологических концептов в Украине сегодня является “историческая справедливость”, поскольку сама украинская история в национал-демократическом дискурсе (базовым для современного этапа украинской государственности) оценивается как осуществление несправедливости в отношении целого народа путем подавления национального развития, вследствие чего нация не имела возможности создать собственное государство»⁹.

Данная официальная установка легитимации украинской государственности подогревалась целенаправленными и последовательными действиями международных центров «продвижения демократии» в рамках «восточного партнерства» и многих других программ, которые формировали у украинских граждан представление о том, что они носители прогрессивной европейской цивилизационной матрицы, в отличие от носителей имперской архаичной российской ментальности. Нужно только сделать окончательный политический выбор в пользу разрыва с Россией, чтобы на равных «вернуться» в семью европейских народов и приобщиться к материальным благам и иным преимуществам либеральной цивилизации. К каким негативным и трагическим последствиям привела подобная политика, показала начавшаяся гражданская война на Украине и фактическое установление националистического режима, подавляющего любое проявление защиты интересов многомиллионного русскоязычного населения в стране.

В России подобная стратегия продвижения западноевропейской модели демократии также находила и находит своих сторонников. Например, до сих пор у отечественных философов можно встретить ничем не подкрепленные идеализированные трактовки процессов глобализации в современном мире: «...в настоящее время глобальная социальная справедливость представляет собой социально-нравственный императив преодоления жестоких форм неолиберальной глобализации, принципов рыночной зависимости, в целом определяемый как движение к формам общественной собственности и солидарной экономики. Одновременно идея общего блага в контексте процессов глобализации понимается как право каждой социокультурной общности самостоятельно развиваться согласно собственным культурно-историческим представлениям о справедливости»¹⁰. Подобную трактовку можно было бы отнести к модальности долженствования, к поиску идеальной модели глобализации, к категории формулирования того, что, по мнению

автора, должно бы быть в процессах глобализации. Однако реальные процессы в современном мире определяются совсем иной мотивацией основных субъектов глобализации, руководствующихся совсем иным принципом: плюрализм допустим и даже целесообразен, но только до тех пор, пока он не выходит за пределы воплощаемой в мировом масштабе либеральной модели. Поэтому идеализация модели глобализации с точки зрения социальной справедливости осознанно или нет, но способствует легитимации осуществляемой модели преобразования мира по либеральным калькам.

В целом ситуация с использованием ценностей социальной справедливости в российской политике оказалась намного сложнее, чем во многих республиках бывшего СССР и странах Восточного блока. Например, на Украине апелляция к восстановлению исторической справедливости однозначно толковалась всеми политическими силами как обоснование необходимости укрепления суверенности украинской государственности (в том числе и политиками, позиционирующими себя в качестве сторонников сохранения и развития сотрудничества с Россией). В постсоветской России единая трактовка социальной справедливости как в широком смысле, так и в ее конкретных проявлениях отсутствовала фактически до обострения международных отношений в связи с возвращением Крыма в состав России.

Сторонники либеральной модели продолжают настаивать, что главная проблема современной России состоит в том, что «наш совокупный социальный интеллект страдает систематической недооценкой роли личности как фермента, движителя, единственной творческой потенции развития социума»¹¹. При этом они стремятся доказать, что в результате системных изменений в политике, экономике и культуре, произошедших в результате преобразований в 1990-е гг., у российских граждан произошли ментальные сдвиги в отношении базовых ценностей.

В качестве доказательств прогрессивных подвижек нередко используются результаты сравнительных социологических исследований изменений в политической культуре граждан на постсоветском пространстве и в политической культуре граждан европейских стран: «В то же время средний россиянин сегодня сильнее, чем жители большинства европейских стран, стремится к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию. В связи с этим в его сознании меньше, чем у представителей других стран, остается места для заботы о равенстве и справедливости в стране и мире, для толерантности, заботы о природе и окружающей среде и даже для беспокойства и заботы о тех, кто его непосредственно окружают»¹². Как представляется, результаты данного исследования отражают не столько состояние смятения в умах

недавних советских граждан в условиях официальной борьбы с наследием коммунистической идеологии и ее трактовкой социальной справедливости, сколько ситуацию выживания, в которую было поставлено большинство российского населения в результате «дикой» приватизации и проведения радикальных либеральных преобразований.

Оценивая последствия такой ситуации, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского В. А. Кутырёв справедливо отмечает, что повсеместно происходит «угасание чувственности, которая все больше поддерживается официально разрешенными психостимуляторами и незаконными наркотиками, вытеснение интуиции расчетом, метафор понятиями, идей и мировоззрения знаками, отказ от различения добра и зла в поступках означает, что культурные скрепы жизни заменяются какими-то другими. Но как могут люди жить вместе без чувства вины, совести, веры в воздаяние и сознание долга?»¹³

Признание аномальности последствий целенаправленной деидеологизации российского общества произошло в конце 1990-х гг., когда в научном, публицистическом и политическом пространстве активно стала обсуждаться идея о формировании общенациональной идеологии, способной сплотить общество на единой ценностной основе и стать постоянно действующим стимулом для российских модернизационных процессов. Максимального всплеска данная дискуссия достигла в период обсуждения концепции «суверенной демократии», которая так и не была признана в качестве официальной. Проблема осталась нерешенной, и ее обсуждение переместилось преимущественно на научный и публицистический уровни.

Коммунисты продолжают настаивать на том, что единственно верным идеологическим воплощением социальной справедливости является коммунизм как общество без эксплуататоров и насилия. Двигаться к нему они предлагают уже не на основе новых революционных потрясений, а на основе постепенного реформирования общества и усиления социальных функций государства¹⁴. «Справедливая Россия» сделала данную ценность базовым элементом российского варианта социал-демократической стратегии общественно-политического и социально-экономического развития.

Не угасает интерес к данной проблеме в научном сообществе. Социологи в анализе этой проблемы акцент делают на конкретных проявлениях ценности социальной справедливости и несправедливости (уровень доходов, доступность и характер распределения материальных и иных благ в обществе, характер реализации прав и свобод граждан, равенство перед судом, отношение к собственности, характер социальной защиты, возможности самореализации, карьерного

продвижения и др.¹⁵). Такой подход очень важен, так как позволяет выявить динамику настроений различных социальных групп по важнейшим общественным проблемам, их реакцию на проводимые государством преобразования в различных сферах. Например, по результатам исследования 2014 г., «73,9% опрошенных считают, что современное российское общество устроено скорее несправедливо. При этом 32,4% указывают на то, что за последний год справедливости стало меньше, и только 10,7% – что больше»¹⁶. Но социологический подход оказывается недостаточным, чтобы объяснить, почему, например, российские граждане, в значительной части своей недовольные своим материальным положением и его ухудшением в условиях западных санкций, тем не менее, в абсолютном большинстве поддержали политику В. Путина в отношении возвращения Крыма и укрепления позиций России на мировой арене.

Собственно, введение санкций и было обусловлено утилитарно-рационалистической логикой лидеров западноевропейских стран: санкции неизбежно приведут к ухудшению жизни российских граждан, и те отреагируют недовольством и массовыми протестами, которые приведут к власти либерально ориентированных российских политиков. Однако расчет оказался ложным, и сегодня даже западные социологи признают, что уровень поддержки В. Путина выше, чем это было до начала обострения взаимоотношений с США и их союзниками и до введения санкций. Утилитарно-рационалистический подход не позволяет объяснить, почему, критически оценивая многие институты постсоветской России как несправедливые, российские граждане в то же время воспринимают возвращение Крыма в состав России как восстановление исторической справедливости. И эта «нерациональная» и неутилитарная мотивация оказывается доминирующей, отодвигая на задний план недовольство уровнем коррупции, несправедливостью в распределении общественных богатств и многими другими проявлениями несправедливости в современной России.

Одним из направлений российских исследований стал поиск социокультурных точек соприкосновения в нахождении консенсуса в понимании социальной справедливости. Для полиэтничной и поликонфессиональной России это действительно один из самых важных вопросов, без которого невозможно выработать единую стратегию общественного развития. Это особенно актуально с учетом тех угроз, которые несет в себе распространение радикальных форм ислама в мире и в ряде российских регионов. В этой связи исследователи делают акцент на том, что многовековое совместное проживание представителей различных традиционных религий в едином Российском государстве основывалось, с одной стороны, на наличии относительно урав-

новешенной государственной политики в отношении неправославных конфессий, а с другой – на близости и непротиворечивости многих ценностей основных российских религий.

Например, в отношении мусульман как одной из самых больших религиозных общин в России утверждается, что «концепция справедливости, по исламу, предъявляет ряд требований к обществу и к самому человеку, воспитываемому и постигающему знания в течение всей жизни. Требование к обществу заключается в создании необходимых условий для непрерывного развития личности (передовые институты науки и образования, библиотеки, секции и школы по интересам, здоровая атмосфера, культ нравственности и т. д.). Требования к личности: приложение постоянных усилий к духовному росту и воспитание таких качеств, как нравственность, постоянство, стойкость, любовь к знаниям, ответственность и др.»¹⁷

Особенно активно основа социокультурной консолидации современной России рассматривается в рамках евразийской концепции. «Социокультурный код евразийской цивилизации, объединяющей народы России, составляют такие ценности, как “справедливость и совесть”, лежащие в основе православия; “справедливость и долг”, определяющие основу нормативно-ценностной системы ислама; “толерантность и долг”, являющиеся основой ценностной системы буддизма; “совесть и толерантность” – ценности, отражающие сущность традиционных верований народов Севера, Горного Алтая»¹⁸.

Однако нахождение консенсусных точек в понимании социальной справедливости представителями различных российских конфессий не снимает и не решает вопроса об их восприятии современного общественно-политического устройства как несправедливого. Например, выявившийся в ходе социологического исследования негативизм в отношении постсоветского общества, по мнению Р. Рывкиной, «является косвенным показателем негативного отношения жителей России к российскому варианту капитализма»¹⁹. Согласно данным другого опроса 2014 г., «наиболее популярные ассоциации с понятием “справедливость” – это законность (72% от опрошенных), честность (65%) и права человека (61,6%) – понятия в целом в большей степени характерные для либеральной трактовки справедливости»²⁰. Данные материалы свидетельствуют о том, что понимание социальной справедливости и несправедливости продолжает концентрироваться вокруг вопросов о функциональности государства и принципов и пределов его вмешательства в функционирование гражданского общества.

Н. И. Шестов в своей статье на данную тему после последовательного критического разбора либеральной формулы «меньше государства – больше справедливости» предложил не бес-

спорную (по его же словам) формулу: «Больше государства – больше справедливости, меньше государства – меньше справедливости»²¹. Особенно интересен его тезис о том, что противоречия в либеральной политической теории и практике «проистекают как раз из того, что игнорируется факт органической связи между “справедливостью” и “несправедливостью”»: либо справедливость, либо ничего! По этой логике получается, что всегда есть некое идеально “справедливое” действие государства, которое по определению ни при каких условиях не может стать “несправедливым”. И есть некое столь же идеально “несправедливое” действие государства, которое ни при каких условиях не может считаться “справедливым”. Поскольку большинство государств во взаимных отношениях и внутренней политике действуют примерно одинаково (сообразно своим базовым функциям) и предпринимают примерно одинаковый ряд действий, то взаимная конкуренция заставляет их приспособлять такую логику к реальности. Одно и то же действие государства объявляется “справедливым”, если это действие “своего” государства, и “несправедливым”, если это действия “чужого” государства. Это логика генезиса тех самых “двойных стандартов” политической философии либеральной политики, которая многих возмущает в современном мире, но с которой никто не знает что делать»²². Для снятия данного противоречия Н. И. Шестов предлагает использовать мифологическую трактовку справедливости/несправедливости, которая «является политической ценностью в силу того, что она в основе своей есть базовый социальный миф, пользование которым социум делегирует государству в режиме практик элитообразования. Социум приобщает государство к сакральной основе своего существования и тем легитимирует само его существование»²³. Соответственно, и оценки справедливости и несправедливости любого государства (независимо от характера политического режима) соотносятся с границами его функционирования в пределах «господствующих социально-мифологических представлений о смысле и назначении (функциях) политики и власти»²⁴.

Выход из сложившейся ситуации (в контексте защиты от «цветных революций») автору видится в непрерывном общественном самопознании, в диагностике «своей культуры, своего массового и группового сознания... своей собственной социально-политической мифологии»²⁵. При этом наличие механизмов такой внутренней диагностики автором принимается за аксиому, и проблема видится лишь в том, что они сориентированы, в духе либеральной доктрины, на взаимодействие с государством, а не на взаимодействие с собственным обществом. Ключевой вопрос, над которым Н. И. Шестов предлагает задуматься обществу (в качестве

противодействия технологиям «цветной революции»), – кто или что в политике будет олицетворять «справедливость» и «несправедливость» после уничтожения существующей государственности революционными активистами? Готово ли само общество взять на себя ответственность за то, чтобы побороть несправедливость и установить справедливое общественно-политическое устройство? Отсутствие положительных ответов на данные вопросы Н. И. Шестову видится в качестве главной причины негативных последствий большинства «цветных революций» в различных регионах мира.

При внимательном рассмотрении содержания данного подхода возникает ряд вопросов к его автору, и прежде всего к оригинальности и инновационности самой формулы «больше государства – больше справедливости, меньше государства – меньше справедливости». Логика расширения социальной функциональности государства, с точки зрения реализации принципов социальной справедливости, начала проявляться еще в XIX столетии в результате оформления и распространения коммунистической и анархистской идеологий. Их основатели выступили с резкой критикой существовавших государств как машин, обеспечивающих насилие над личностью и эксплуатацию большинства угнетенных классов со стороны правящих элит. Идеалом справедливого общества теоретикам данных идеологий виделось безгосударственное устройство на основе высокой сознательности всех членов общества в нахождении баланса между личными и общественными интересами. Движение к этому идеалу анархисты видели в революционном разрушении существующих государств и раскрепощении творческих сил и возможностей отдельных индивидов. Коммунисты обосновывали возможность построения такого бесклассового и безгосударственного общества посредством революции и установления диктатуры пролетариата, необходимой для того, чтобы сломить сопротивление господствующих классов и сформировать необходимые социально-экономические и культурные предпосылки для постепенного отмирания государства.

Растущая популярность данных идей, подкрепленная чередой революционных выступлений в Западной Европе и других регионах мира, сделали неизбежной реакцию существовавших капиталистических государств в виде процессов их демократизации и расширения функций социальной защиты, которые должны были снять обвинения в эксплуататорской сущности и социальной несправедливости. Особенно неизбежной такая реакция стала после победы большевиков в России и провозглашения строительства альтернативной капитализму социалистической системы. Эволюция либеральной доктрины «государства ночного сторожа» в доктрину социального государства была неизбежной, особенно с

учетом, что в условиях мирового экономического кризиса после Первой мировой войны возникла еще одна альтернатива демократии в виде различных вариантов фашизма и национал-социализма, которые открыто заявили о своих экспансионистских претензиях на мировое господство.

Таким образом, формула «больше государства» была положительно воспринята представителями **всех** метаидеологий XX столетия, но для обоснования своего собственного, принципиально отличного от других варианта «справедливого» общественно-политического устройства. После уничтожения «коричневой чумы» XX в. противоборство двух систем в рамках «холодной войны» осуществлялось во многом на демонстрации преимуществ двух антагонистических моделей социальной функциональности государства (в их различных вариациях). Конкуренция данных систем предопределяла и вектор развития стран третьего мира, которые могли склоняться к тому или иному варианту выбора своей национальной стратегии.

Экскурс к этим азбучным основам ведущих идеологий сделан для того, чтобы показать, что предложенная формула не дает возможности разрешить дихотомию и двойные стандарты в понимании справедливости или несправедливости конкретных государств и тех политик, которые в них реализуются. Содержание данной формулы в различных сообществах настолько отличается друг от друга, что не может стать универсальной основой для научных исследований деятельности отдельных государств. «Больше государства» может представлять собой, например, режим тотальной слежки за своими гражданами (неявной, как сейчас в США со стороны АНБ, или явной, как в КНДР), но может представлять сложный механизм концентрации общественных ресурсов и их перераспределения на приоритетных направлениях экономического развития, а также для эффективной социальной защиты своего населения. Вариативность комбинаций формулы «больше государства» так велика, что по определению не может быть универсальной.

Более того, в определенном смысле Н. И. Шестов противоречит сам себе, когда констатирует, что «технология “цветных революций” будет успешной до той поры, пока в стратегиях существования гражданских обществ в разных странах все будет определять примитивный и эффективный в условиях либеральной демократии гражданский запрос, обращенный к государству: “Дай!”»²⁶. Однако предложенная автором формула, если редуцировать ее до «сухого остатка», представляется не чем иным, как индивидуальным, групповым и общественным запросом «Дай».

Не менее дискуссионна и отсылка к необходимости руководствоваться базовым социальным мифом для оценки справедливости/

несправедливости деятельности конкретных государств. Дело не только в том, что один и тот же миф может выступать в качестве обоснования антагонистической политики различных государств (например, миф о мессианском предназначении США и СССР, претендующих на то, чтобы осчастливить все человечество и подошедших в борьбе друг с другом к порогу ядерного столкновения, грозящего уничтожением всего живого на земле).

Более обоснованным представляется социальная значимость поставленного вопроса, готово ли общество (по крайней мере, его активная часть), считающее свое государство или его отдельные институты социально несправедливыми, к тому, чтобы заменить их после революции на нечто более эффективное и справедливое? Есть резонное сомнение в том, что именно общество способно ответить на такой вопрос без соответствующей подсказки со стороны элит или контрэлит, например, о том, что «каждая кухарка должна научиться управлять государством». Не случайно, что действующая власть в современной России сконцентрировала свои пропагандистские усилия на ряде стратегических направлений, среди которых одним из важнейших является обоснование значимости Российского государства и его функциональности как великой державы.

Думается, что совсем не является аксиомой авторское утверждение о наличии механизмов внутренней диагностики и самопознания общества. Скорее, целесообразнее вести речь о сущности и характере формирования и функционирования институтов гражданского общества, о степени их соответствия интересам представляемых социальных групп и всего общества, об их политической функциональности и возможностях ограничивать государство и его структуры от возможностей злоупотребления властными ресурсами. Да, действительно, втягивание россиян в функционирование гражданских институтов повышает их политическую культуру, расширяет осознание своих прав и возможностей в сфере политики и обществе в целом. Тем не менее, оно не ограждает от тех технологий манипулирования массовым сознанием, ресурсы которых значительно увеличились в условиях революции информационных технологий и возрастания открытости большинства современных государств для информационного воздействия извне. Поэтому «механизмы самопознания» общества на практике представляют собой объект перекрестного воздействия самых различных внутренних и внешних политических сил, преследующих не только различные не совпадающие, но и антагонистические цели. При этом каждая из них стремится учитывать ментальные особенности тех социальных групп, к которым они апеллируют, чтобы добиться соответствующей поведенческой реакции. Поэтому мифологические представления о социальной справедливости также

выступают в качестве перекрестных мишеней манипулирования для достижения различных инструментальных целей.

Как представляется, не имеет научного смысла сама постановка вопроса о выработке некоей универсальной формулы социальной справедливости как основы любой политической системы. Истина всегда конкретна. Если мы признаем, что развитие мировой истории носит конкурентный характер на основе различных цивилизационных моделей, то из этого логически следует, что единого понимания социальной справедливости быть не может. Каждый народ определяет ее исходя из своих исторических особенностей, на основе собственных ментально закрепленных ценностей. Скорее, речь нужно вести о выработке общепризнанных принципов и правил конкуренции данных представлений в рамках взаимодействий суверенных государств. Для этого следует признать, что в современных условиях конкуренция различных ценностных моделей не может осуществляться на основе права сильного, которым на практике тысячи лет руководствовались ведущие мировые державы.

Разрушительные последствия двух мировых войн, противостояние двух альтернативных социально-политических систем в рамках «холодной войны» привели к выработке определенных механизмов и правил регулирования конкурентных отношений суверенных государств. Они не отменили принципа силы в мировой политике, но дополнили его совокупностью международных норм и институтов, нацеленных на мирное регулирование возникающих международных проблем. Их выработка была вынужденным компромиссом, порожденным примерным равенством противоборствующих сил, а впоследствии и осознанием неизбежного взаимного уничтожения в случае применения ядерных вооружений. Сложившаяся система международных отношений не была совершенна, ее функционирование сопровождалось множеством локальных и региональных конфликтов, но сущность противостояния определялась стремлением показать ценностное и институциональное преимущество своей модели общественно-политических и социально-экономических отношений.

США и их союзники акцент делали на материальном благополучии, технологическом превосходстве, объясняя их воплощением либеральных принципов социальной справедливости в реализации прав и свобод человека. СССР и его союзники акцент делали на превосходстве социалистической модели со своей точки зрения социальной справедливости – отсутствие эксплуатации, пропасти между бедными и богатыми, безработицы, гарантированная система бесплатного образования и медицинского обслуживания, других форм социальной защиты. После разрушения СССР и распада социалистической системы, казалось бы, безоговорочную победу

одержали США и их союзники на основе превосходства либеральной модели и соответствующей точки зрения на социальную справедливость. Были провозглашены «конец истории», неизбежность перехода всего мира на либеральную модель в результате процессов глобализации, а США фактически признали себя не просто лидерами однополярного мира, но ответственными за процессы демократизации всего человечества.

Процессы эти оказались очень противоречивыми и конфликтными, и для «продвижения демократии» США и их союзники все чаще стали использовать фактор силы, с учетом, что Россия как правопреемница СССР в 1990-е гг. была значительно ослаблена, а главное, ее либерально-демократические лидеры шли в фарватере американской внешней политики. В результате сложившаяся система норм и правил регулирования международных отношений в значительной степени стала инструментом реализации интересов США и их союзников на основе пресловутых «двойных стандартов». Самым типичным примером их применения стало выборочное использование двух равновеликих прав: права народов на самоопределение и «незыблемость» права суверенных государств на защиту своей территориальной целостности. Поэтому для Запада процессы разрушения СССР, распад Югославии, признание независимости Косово – это реализация права народов на самоопределение, а провозглашение независимости Абхазии, Южной Осетии, Приднестровской Молдавской Республики, Луганской и Донецкой народных республик – это нарушение территориальной целостности Грузии, Молдовы и Украины.

Более того, США и поддерживаемые ими международные организации стали активно вмешиваться во внутренние дела самых различных государств на основе апелляции к необходимости обеспечения прав человека как универсальной модели реализации социальной справедливости. Большинство этих вмешательств имели самые плачевные последствия и вызвали негативную реакцию во многих странах «третьего мира», которые все чаще стали инициировать идею целесообразности многополярного мира. Эта идея активно была подхвачена В. Путиным в рамках реализации стратегии возрождения России как великой державы.

Как представляется, формирование новой системы регулирования международных отношений возможно в том случае, если их ведущие субъекты признают право каждого суверенного государства на реализацию своей собственной модели социально-политического и социально-экономического развития на базе своей собственной трактовки социальной справедливости. Это не означает, что должны будут признаны в том числе и радикальные группировки, например ИГИЛ, в своем праве на собственное понимание «справедливого» социально-политического

устройства, так как они осуществляют его в виде обязательного и единственно возможного варианта, насаждаемого с помощью угроз и террора. Однако и навязывание в качестве обязательной и единственно возможной либеральной модели в ее западноевропейской трактовке также недопустимо. Технологии «цветных революций» и стратегия «мягкой силы» не должны быть инструментами неограниченного и никем не контролируемого вмешательства США и их союзников во внутренние дела суверенных государств.

В рамках формирования многополярной системы целесообразно учитывать накопленный положительный опыт и проверенные временем правовые механизмы легитимации санкционного и силового международного вмешательства в случае военных переворотов и агрессий одних стран против других. В любом случае до тех пор, пока они не будут выработаны, никто не отменял правомочности существующих международных институтов и процедур (прежде всего ООН и Совета Безопасности ООН) для регулирования конфликтных ситуаций. Игнорирование их со стороны США и их союзников не может быть оправдано никакой апелляцией к мессианской роли Америки в распространении либеральных идеалов социальной справедливости. Новая международная система глобальных сдержек и противовесов в рамках многополярного мира должна быть нацелена, прежде всего, на обеспечение взаимного уважения, возможностей мирной конкуренции и взаимовыгодного сотрудничества суверенных государств и их объединений как представителей различных моделей социально-политического устройства и различных ценностных моделей социальной справедливости.

Примечания

- 1 Шестов Н. И. «Справедливость» и государство // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 69.
- 2 На русском языке книга была издана в 1995 г. См.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995.
- 3 Хабермас Ю. Будущее человеческой природы : пер. с нем. М. : Весь Мир, 2002. С. 12.
- 4 Валлерстайн И. После либерализма : пер. с англ. / под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М. : Едиториал УРСС, 2003. С. 248.
- 5 См.: Гаврилова И. Н. Западные трактовки социальной справедливости (Обзор концепций) // Социс. 2009. № 3. С. 36–44.
- 6 Выступление президента Барака Обамы на выпускной церемонии в военной академии Уэст-Пойнт 28 мая 2014 года. URL: <http://translations.state.gov/st/russian/texttrans/2014/05/20140529300542.html#axzz3WgnRX3v4> (дата обращения: 08.04.2015).
- 7 Там же.
- 8 Там же.

- ⁹ Кирюхин Д., Щербак С. Представления о справедливости в России и в Украине : повседневность и идеология // Социология : теория, методы, маркетинг. 2007. № 1. С. 148.
- ¹⁰ Аитова Г. Ш. Новое в понимании справедливости в эпоху глобализации : социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. С. 32–33.
- ¹¹ Кончанин Т. Л. Великая миссия социогуманитарного образования // TERRA ECONOMICUS. 2011. Т. 9, № 2. С. 96.
- ¹² Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 19.
- ¹³ Кутырев В. А. Бытие или ничто. СПб. : Алетей, 2009. С. 168.
- ¹⁴ См.: Смолин О. Н. Социальная справедливость : не «все поделить», но «делиться надо» // Журнальный клуб Интелрос «Альтернативы». 2014. № 1. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a1-2014/> (дата обращения: 04.04.2015).
- ¹⁵ См.: Хахулина Л. Устойчивость массовых представлений о социальной справедливости // Вестн. общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. Январь–июнь. 2014. № 1–2 (117). С. 37–49.
- ¹⁶ Данилова А. В. Почему не справедливо российское общество? Содержательное наполнение понятия «справедливость» и его значение для социальной системы // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems, № 12 (44), 2014. С. 161–175. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/issue/view/122014> (дата обращения: 05.04.2015).
- ¹⁷ Койчуев А. О концепции справедливости в исламе // Власть. 2011. № 3. С. 114.
- ¹⁸ Пальцев А. Системообразующие ценности евразийской (российской) цивилизации // Власть. 2014. № 11. С. 42.
- ¹⁹ Рывкина Р. Социальная справедливость и общественное мнение. URL: <http://polit.ru/article/2005/10/12/ryvkina/> (дата обращения: 05.04.2015).
- ²⁰ Данилова А. В. Указ. соч.
- ²¹ Шестов Н. И. Указ. соч. С. 70.
- ²² Там же. С. 72–73.
- ²³ Там же. С. 73.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 74.
- ²⁶ Там же.

УДК 342.722.1

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВЕНСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ

Г. Н. Комкова

Саратовский государственный университет
Email: kafedra-kmp@mail.ru

В статье рассматривается эволюция понимания категории «равенство» начиная с Древнего Рима и заканчивая современным периодом. Проанализированы мнения ученых разных веков относительно формального и социального равенства. Сделан вывод о том, что равенство означает притязания человека, его требования, чтобы общество и государство давали любому его члену не меньше благ, чем другому. Однако закон утверждения равенства является противоположным другому закону – изменчивости природных способностей человека, который делает людей неодинаковыми, не похожими друг на друга. И чем выше уровень развития человечества, тем более увеличиваются различия между людьми, а потому, несмотря на конституционное закрепление принципа равенства, абсолютное равенство между людьми недостижимо.

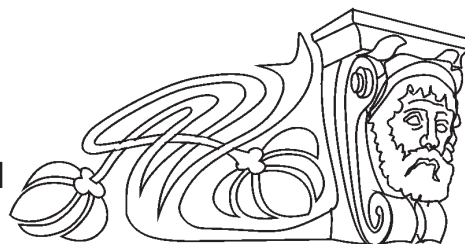
Ключевые слова: равенство, формально-юридическое равенство, социальное равенство.

The Problem of Providing Equality of Citizens' Political Participation: Historical and Modern Interpretations

G. N. Komkova

This paper examines the evolution of the understanding of the category of «equality» since ancient Rome to contemporary period.

© Комкова Г. Н., 2015

Analyzed the opinions of scholars of different ages with respect to formal and social equality. It is concluded that the claims of equality means the person, its requirement that society and the state gave it to any member not less benefits than others. However, the law of equality is the opposite assertion another law – the variability of natural human abilities, which makes people different, different from each other. And the higher the level of human development, especially increasing the differences between people, and therefore, despite the constitutional recognition of the principle of equality, absolute equality between people is unattainable.

Key words: equality, formal legal equality, social equality.

В различные периоды существования человечества возникали и находили свое отражение в умах людей общезначимые понятия, без которых была бы невозможна скоординированная жизнь между людьми. Вначале данные понятия имели форму абстрактных идей, но постепенно конкретизировались, приобретали сторонников, становились всеобщими.

«Цивилизации являются результатами некоторых основных идей, – писал французский ученый Г. Лебон, – когда же случайно изменяются эти идеи, то и питаемые ими цивилизации осуждены скоро измениться»¹. Исследование того или иного явления всегда будет носить неполный характер, пока наряду с другими аспектами